

ЭТНОМЕТОДОЛОГИЯ

Л.Г. ИОНИН

СОЦИОЛОГИЯ КАК *NON-FICTION*. О РАЗВИТИИ ЭТНОМЕТОДОЛОГИИ

Основания этнометодологического движения

Этнометодологическое движение зародилось из преподавательской работы и научных трудов Гарольда Гарфинкеля. Его предшественниками, то есть теми, у кого он учился, были Т. Парсонс, А. Шюц, А. Гурвич, Э. Гуссерль, М. Мерло-Понти. Гарфинкель также называет в качестве своего учителя и предшественника Э. Дюркгейма. Но, как замечает один из этнометодологов, все эти авторы у Гарфинкеля оказываются «поставленными на голову», то есть выводы, к которым он приходит на основе их доктрин, в корне противоречат — если не сказать самим их оригинальным идеям, то, во всяком случае, — общепринятым и широко распространенным интерпретациям последних. Прекрасным примером здесь может служить Дюркгейм. В последней книге Гарфинкель прямо ссылается на Дюркгейма, в частности, на его «знаменитый тезис» о том, что «объективная реальность социальных фактов есть фундаментальный принцип социологии» [8, р. 66]. Ранее в других работах Гарфинкель соглашается с дюркгеймовским требованием рассматривать социальные факты как «вещи». Но только вот у Дюркгейма социальные факты имеют «внешний» и «принудительный» характер, а у этнометодологов социальные факты — это то, что создается самими участниками взаимодействий, и если для всей дюркгеймовской традиции (а это, с соответствующими оговорками, вся традиция научной социологии) факты сначала есть, а потом — и

Ионин Леонид Григорьевич — доктор философских наук, профессор Государственного университета – Высшая школа экономики. Адрес: 101990 Москва, ул. Мясницкая, д. 20, ГУ - ВШЭ.
Телефон: (495) 621-33-57. Электронная почта: ioninlg@gmail.com

именно потому, что они есть — с ними начинает работать социолог, то для этнометодологов работа заключается в выяснении, как возникают эти самые социальные факты, и на этом, строго говоря, и заканчивается. Что же касается приведенного выше тезиса Дюркгейма, то Гарфинкель предлагает его несколько переформулировать и читать следующим образом: «объективная реальность социальных фактов есть фундаментальный феномен социологии» (курсив оригинала. — Л.И.; [8, р. 66]). В результате то, что у Дюркгейма было фундаментальной не методологической даже, а философской *предпосылкой* социологии, в этнометодологии Гарфинкеля становится ее главной *темой*, или главным предметом исследования. Это и называется «перевернуть с ног на голову», что Гарфинкель пытается сделать не только с Дюркгеймом, но и с социологией как таковой.

Гарфинкель прославился, в частности, странным употреблением английского языка, что лишь частично можно приписать сложности исследуемых им феноменов. Собственно говоря, язык Гарфинкеля — один из конститутивных элементов этнометодологического движения, во всяком случае, на начальной его стадии. Несмотря на то, что движение разворачивается в сугубо рационалистической академической (сначала) американской, а затем европейской и все более расширяющейся, но по-прежнему «ученой», то есть рационалистической, среде, ему оказываются свойственными черты всякого «революционного» движения. В данном случае речь идет о революционном движении в социологии, которое нуждается в харизматическом вожде, пророке, говорящем темным оракульским языком так, что сначала труды сторонников представляют собой глоссы, а понимание сказанного вождем уже означает соучастие, достижение и награду.

Именно таким образом Гарфинкель определяет этнометодологию (ЭМ) в своей первой и ставшей знаменитой книге (*Studies in ethnomethodology*, 1967): «Этнометодологические исследования анализируют повседневные действия как используемые их участниками методы представления этих действий наглядно-рациональными-и-сообщаемыми для любых практических целей, то есть “понятными” (accountable) с точки зрения организации обыденных повседневных действий» [7, р. VII]. Смысл этого высказывания заключается в том, что, преследуя повседневные цели, участники социальной деятельности организуют свои действия (вербальные и «материальные») таким образом, чтобы они для них самих и других участников деятельности выглядели разумными, рациональными, понятными (эти три слова в данном контексте могут рассматриваться как синонимы) и «сообщаемыми», то есть могущими быть объясненными и понятыми не с точки зрения какой-то «высшей» (научной или любой другой) рациональности, а с точки зрения достаточности для практических целей, то есть в рамках этой самой деятельности.

Такие методы и суть «этнометоды», давшие название ЭМ; ими и занимается этнометодологическое исследование, задача которого состоит в том, чтобы узнать, «как обычная актуальная деятельность участников состоит из методов, применяемых для того, чтобы сделать практические действия, практические обстоятельства, обыденное знание социальных структур и практическое социальное суждение анализируемыми, и в открытии формальных свойств обыденных, основанных на здравом смысле действий “внутри” актуальных ситуаций их совершения, а также в развертывающемся создании самих этих ситуаций» [7, р. VII].

Если попробовать выразить это более привычным языком, можно сказать, что «этнометоды», имеющие универсальный характер, то есть организующие любые ситуации повседневной жизни, существуют только «внутри» этих ситуаций и фактически конституируют их в том смысле, что «нормальная» ситуация возникает только тогда, когда она сделана «нормальной», то есть понимаемой как таковая посредством самих этих методов. Дело обстоит не так, что вот, мол, есть ситуация, а мы используем какие-то методы, чтобы «интерпретировать» ее так, чтобы она стала понятной для нас и других. Наоборот, ситуация как таковая существует лишь в той мере, в какой она понята (или сделана понятной) при посредстве этнометодов. И лишь будучи понятой как таковая, она приобретает «объективность», то есть становится «социальным фактом», «вещью». Именно в этом смысле Гарфинкель интерпретирует Дюркгейма. Задача не в том, чтобы изучать объективные вещи, а в том, чтобы изучать, как «вещи» становятся «объективными».

Приведенные цитаты оставляют, тем не менее, ряд вопросов. Во-первых, что означает «изучать действие “внутри” актуальной ситуации его совершения», во-вторых, что представляют собой «формальные свойства практических действий», и, наконец, какими методами они должны изучаться?

По первому вопросу заметим следующее. Работать «внутри» ситуации означает для ЭМ нечто иное, по сравнению с традиционным для социологии «включенным наблюдением» или применением «качественных методов». Этнометодология, безусловно, относится к «понимающей» социологии, но во всей социологической традиции, начиная с Макса Вебера, понимание рассматривается как исследовательский ресурс и используется для целей формулирования гипотез, коррекции хода исследования и т. п., тогда как в ЭМ ситуация переворачивается; как пишет один из этнометодологов, участвующее знание превращается «из имплицитного источника в тему» [6, § 2]. Это понимающая социология в том смысле, что понимание является ее основным предметом, ибо именно понимание ситуации участниками превращает ее в социальный факт.

Второй вопрос — о «формальных свойствах практических действий». Сами по себе практические человеческие действия бесконечно разнообразны и вряд ли классифицируемы (скорее, каталогизируемы, как станет ясно из дальнейшего); формальные свойства — это те свойства, что присущи каждому из практических действий, и именно они создают возможность их этнометодологического изучения. Обычно говорят о четырех формальных свойствах обыденных действий (хотя этот перечень довольно условен). Первое — *объяснимость* или *постижимость* (accountability). Это вроде бы простая вещь, состоящая в том, что человек в обыденной жизни в состоянии объяснить или дать понять, чем он занимается или в какой ситуации находится, или почему его поведение приняло именно такой характер, какой приняло, но как раз эта простая вещь конституирует нормальные ситуации обыденной жизни. Это происходит благодаря второму формальному свойству — *рефлексивности*. Рефлексивность в ЭМ не означает требование к ученому или достоинство ученого, состоящее в том, что он постоянно на каждом шагу корректирует ход своих исследований и размышлений. Рефлексивность — это «воплощенная» характеристика практических действий, заключающаяся в том, что «действия, посредством которых участники производят и регулируют ситуации организованных повседневных дел, тождественны процедурам, которые они используют для того, чтобы сделать эти ситуации “постижимыми” (accountable)» [7, р. 1]. Третье формальное свойство обыденных практических действий — *индексичность*¹. Индексичными выражениями в лингвистике считаются такие, смысл которых зависит от речевой ситуации, то есть определяется временем, местом и обстоятельствами высказывания. Такие выражения, как «ты», «там», «завтра» и т. д., — индексичны. По Гарфинкелю, целью традиционной социальной науки является подстановка объективных выражений на место индексичных, в чем, собственно, и состоит рациональное научное объяснение. ЭМ стремится вскрыть рациональный (упорядоченный) характер индексичных выражений, обеспечивающий понимание участниками практических действий друг друга и тем самым «постижимость» этих действий. И, наконец, последнее «формальное свойство» — *документальный метод*. Это не есть метод социологов, а метод самих практических деятелей, а потому и социологов. Как разъясняет Гарфинкель, «метод состоит в рассмотрении актуального проявления как “свидетельства о”, как “указания на”, как “выступающего от имени” некой предполагаемой под-лежащей (underlying) модели. Но не только эта под-лежащая модель выводится из индивидуальных

¹ В русскоязычных научных изданиях, особенно лингвистических, термин indexicality чаще переводится как индексальность. — Прим. ред.

документирующих свидетельств, но эти свидетельства, в свою очередь, интерпретируются на основе того, что “известно” о под лежащей модели. Одно используется для выработки другого» [7, р. 78]. Эти четыре пункта — «формальных свойства» практических действий — можно назвать категориями практической, то есть обыденной рациональности.

И, наконец, третий вопрос — как должны исследоваться этнометоды? Здесь неприменимы обычные социологические методологии. Поскольку ЭМ — это исследование процедур здравого смысла, она сталкивается со специфической «проблемой невидимости здравого смысла» [6, § 3.1]. Обыденные деятели в своей конститутивной работе заняты практическими, а не теоретическими вопросами и принимают здравый смысл «на веру», как отмечал еще А. Шюц. Этнометодолог, исследуя обыденные ситуации изнутри, рискует попасть в положение обыденного деятеля. Поэтому перед ним встает двойная проблема: «с одной стороны, минимизировать ненаблюдаемое использование здравого смысла, а с другой, — максимизировать его наблюдаемость» [6, § 3.1]. Развитие ЭМ позволяет выделить четыре применяемые стратегии:

1. Использование или создание ситуаций, в которых деятельность участников по выработке их смысла становится выпуклой и ощутимой, то есть таких ситуаций, где существующие ожидания не соответствуют реальному поведенческому развитию, что заставляет участников прибегать к экстраординарной интерпретационной работе. Это может происходить как в контекстах, существующих независимо от исследователя (случай транссексуала Агнес, описанный Гарфинкелем в «Исследованиях по этнометодологии»), так и в искусственно созданных (эксперименты по нарушению нормального хода взаимодействия, описанные там же).

2. Вторая стратегия заключается в том, что исследователь с целью описания этнометодов помещает себя в необычную ситуацию, которая необычна потому, что приходится либо решать трудную проблему, либо овладевать новыми компетенциями, специфическими для определенной сферы жизни. Примеры: овладение навыками жизни пианиста в джаз-банде, обучение организации своего поведения и обретение компетенции в тюремной среде, описание «изнутри» опыта паралитика в больнице. Исследователю в таких случаях приходится «стать феноменом» и самому исследовать этот «феномен».

3. Эта стратегия напоминает традиционную этнографическую полевую работу, то есть пристальное наблюдение и описание деятельности в естественных жизненных ситуациях и обсуждение с участниками, каковы компетенции, необходимые для рутинного выполнения соответствующих действий. Это исследования работы ученых в лабораториях, присяжных и коронера в судах, сотрудников агентства социальной помощи и др.

4. В этом случае обыденные практики изучаются путем записи реального, в основном речевого, поведения — либо механической, либо с использованием аудио и видеоаппаратов. Записанное затем транскрибируется таким образом, чтобы «отключить» самоочевидное понимание того, *что* сказано, и иметь возможность зафиксироваться на том, *как* это сказано. Задача исследователя затем состоит в выявлении механизмов (методов), применявшихся в поведении для достижения имеющегося результата [6, § 3.1]. Эта стратегия легла в основу так называемого «анализа разговора» (conversation analysis) — направления, связанного с именами Г. Гарфинкеля и Х. Сакса, которое стало, наряду с ЭМ, самостоятельной областью исследований.

В реальной исследовательской практике ЭМ эти стратегии соединяются в разных сочетаниях. Собственно, все эти по необходимости кратко перечисленные теоретические посылки и методологические приемы и составили идейное ядро этнометодологического движения. Книга Гарфинкеля 1967 года стала своего рода манифестом и символом этого движения, которое началось ранее и к моменту выхода книги насчитывало уже достаточное количество работ и достаточное количество членов, чтобы заявить о себе.

Рецепция этнометодологии в России

В России сведения об ЭМ появились, как всегда, с опозданием примерно на десятилетие. В социологии первое, пожалуй, более или менее детальное рассмотрение концепции ЭМ — с одновременной попыткой вписать ее в теоретическую традицию — было предпринято в моей книге [2]. Вскоре в русском переводе вышел сборник английских исследователей по феноменологической социологии [4], который, хотя и не был посвящен специально анализу этнометодологического подхода, тем не менее, давал информацию «из первых рук», подробно анализировал основные этнометодологические понятия и, что было крайне важно, демонстрировал на примерах из социологической практики возможности применения феноменологической социологии (ЭМ, в частности) к анализу социальной жизни.

После этого значительных работ, касающихся этнометодологии, не появлялось. Значительных в том смысле, что они представляли бы собой не пересказ (более или менее краткий, чаще всего словарного формата), а содержательную дискуссию с автором (авторами) ЭМ или попытки использовать этнометодологические понятия и представления в качестве аналитического инструмента. Исключения очень немногочисленны, но они есть.

Во-первых, это статья И.В. Давыдовой «Формирование этнометодологии: влияние Т. Парсонса и А. Шюца на теоретическую позицию Г. Гарфинкеля», опубликованная «Социологическим журналом» в 2002 г. [1]. Автор использует материалы изданной Р. Гратхофом переписки Т. Парсонса и А. Шюца, а также ранние работы

Г. Гарфинкеля и на основе углубленного анализа приходит к выводу о том, что, «в отличие от Шютца, Гарфинкель не мог удовлетвориться чисто теоретическими рассуждениями. Его волновала проблема описания — охватить явление во всей его эмпирической конкретности... Гарфинкель поставил перед собой цель сделать из теоретических положений Шютца программу эмпирического социологического исследования. И... его интересовало решение проблемы социального порядка. Причем он не хотел идти по пути построения тавтологических моделей, когда все уже предreshено на этапе дотеоретических описаний. Нужно объяснить социальный порядок без того, чтобы прибегать к теоретическим конструктам...» [1, с. 127]. В принципе, эти соображения не содержат в себе ничего, что не было бы сказано самим Гарфинкелем и чего не говорили бы об этнометодологии отечественные авторы буквально в каждой словарной статье. Однако заключительный абзац статьи содержит важное суждение. И.В. Давыдова пишет: «Первым шагом на пути осуществления этой программы стало установление “новой территории социологического анализа: исследование свойств практического здравого смысла в повседневных ситуациях действия”... Но так как “деятельность, посредством которой члены [общества] производят ситуации и обстоятельства организованных повседневных дел, идентична процедурам, посредством которых члены [общества] делают эти ситуации и обстоятельства ‘видимыми’, первый шаг оказывается достаточным и в этом смысле последним”» [там же]. Если откровенно, то именно на этом месте следовало бы начать действительно интересную статью. Ибо на нынешнем этапе развития ЭМ, как я стараюсь показать ниже, самым важным является вопрос о том, почему первый ее шаг (я имею в виду «Исследования по этнометодологии») действительно, как это видно сейчас, по прошествии почти сорока лет, оказался практически последним ее шагом вперед.

Еще одна работа, на которой следует остановиться, это статья А.П. Огурцова «Этнометодология и этнографическое изучение науки» [5]. Статья носит, в целом, обзорный характер. А.П. Огурцов считает, что ЭМ указала на действительно новые феномены, не попадавшие ранее в поле зрения исследователей науки, но отмечает узость этнометодологического (вообще, микросоциологического) подхода и говорит о необходимости дополнить его макросоциологическим (что, отметим, является тщетным пожеланием, поскольку, с точки зрения самой ЭМ, — это самоубийственный шаг). В целом А.П. Огурцов оценивает этнометодологическое направление в изучении науки негативно: «Идея социальной конструируемости реальности, которую можно назвать “эффектом Нарцисса” и которой отдает предпочтение радикальная социология науки в наши дни, может повлечь за собой гибель науки, самовлюбленно лицезреющей лишь себя, она может

привести к разрушению целей познавательной деятельности и ценностно-нормативной системы науки, если она будет признана учеными и станет парадигмой их философско-социологического сознания» [5].

Заключая этот краткий обзор российских работ об ЭМ, упомяну о моей статье, опубликованной в 1982 году, где была сделана попытка рассмотреть ЭМ и феноменологическую социологию в целом в контексте родственных исследовательских тенденций, имевшихся в России (тогда СССР) [9]. В статье анализировались начала социальной феноменологии в книге Г.Г. Шпета «Явление и смысл» (1914 г.), концепция речевых жанров М.М. Бахтина, а также направление, развивавшееся Т.М. Дридзе в Институте социологии под названием семиосоциопсихология.

Несмотря на то, что перечень работ, посвященных этнометодологии, оказался краток, она представлена во всех словарях и энциклопедиях, в разных периодических изданиях («Социологическое обозрение», «Социологический журнал») и антологиях [3] опубликованы многие работы Г. Гарфинкеля и труды некоторых его последователей (Б. Латура, К. Кнор-Цетины и др.). Все это показывает, что существование ЭМ в российской социологии было «принято к сведению», но сама она не стала ни движением, ни школой, ни исследовательским направлением, ни даже методологическим орудием, к которому обращались бы исследователи время от времени при изучении определенных феноменов социальной жизни, как это произошло, например, в Англии, Германии и некоторых других странах.

«Программа этнометодологии»

Гарфинкеля никак не назовешь плодовитым автором. За пятьдесят лет существования этнометодологии (некоторые участники «движения» указывают, что впервые термин «этнометодология» Гарфинкель употребил во время конференции Американской социологической ассоциации в 1954 г.) и пятьдесят лет научной работы он выпустил всего две книги. Вторая — после «Исследований по этнометодологии» — вышла через тридцать пять лет под названием «Программа этнометодологии» с подзаголовком «Разрабатывая дюркгеймовский афоризм» (Ethnomethodology's program: Working out Durkheim's aphorism, 2002) [8].

Ссылка на Дюркгейма — и не где-нибудь в глубине текста или даже в сноске, а на титульном листе книги — давала основание предполагать, что теперь будет прояснено отношение ЭМ к традиционной социологии, ЭМ будет включена в контекст социологического знания, станет понятно, почему ЭМ считается социологической концепцией, и станет ясно, что делать с этнометодологическими понятиями, для чего они существуют. В целом, можно было надеяться получить ответ на вопрос, «что такое этнометодология» (так называлась первая глава в «Исследованиях», так называется первый параграф первой главы в новой книге).

Гарфинкель (в отличие от авторов словарных статей об этнометодологии) дает лишь косвенный ответ: «Этнометодология переосмысливает дюркгеймовское живое, бессмертное повседневное общество, делая это путем выработки перечня причудливых (preposterious) проблем. Источником проблем является всемирное движение социальных наук. Они мотивированы повсеместной приверженностью этого движения политике, методам формального анализа и общего репрезентационного теоретизирования, а также его несомненными достижениями» [8, р. 91]. Далее идет противопоставление этнометодологии (ЭМ) и формального анализа (ФА), под которым, собственно, и понимается традиционная, так называемая научная социология.

По Гарфинкелю, основой «объективности» ФА являются его предыдущие достижения и его библиографический корпус. Другими словами, качество исследований в сфере ФА обеспечивается не адекватностью, а формальным соответствием ранее сформулированным правилам. Для этого существует целый ряд методологических принципов, которые, собственно, обеспечивают формальное соответствие исследований требованиям ФА, и, таким образом, имеют отношение не столько к познанию, сколько к демонстрации исследователем собственной верности принципам и требованиям ФА. Это, так сказать, самоподтверждающиеся исследования, и они считаются тем более качественными, чем полнее и точнее соответствуют собственным предпосылкам. Отсюда и достижения ФА. (Разговор о них Гарфинкель снабжает ссылкой, где замечает, что о достижениях он говорит «без всякой иронии», и поясняет, что «говорить без иронии» здесь надо понимать в смысле, какой имеет реплика Дези в «Носорогах» Э. Ионеско. Последний человек и его подруга Дэзи смотрят на улицу, заполненную носорогами. Дэзи восклицает: «О, смотри, они танцуют!» Последний человек: «Ты называешь это танцем!» Дэзи: «Но они так танцуют».)

В противоположность этим «предвзятым» исследовательским методам и процедурам, заранее диктующим, что видеть, ЭМ «одержима» «альтернативными процедурными описаниями феномена порядка», — являющегося не тем порядком, согласно которому организуются человеческие «агрегаты», то есть группы, выделенные аналитически по признакам, опознаваемым только аналитиками, а порядком, непосредственно переживаемым и осознаваемым и поддающимся исследованию самим «эндогенным населением». Именно этот реальный «второй» порядок ускользает от внимания и взгляда ФА. Именно эти ускользающие «порядки» и методы их формирования (это, собственно, и есть этнометоды) как раз и являются — я хотел бы сказать «предметом исследований», но Гарфинкель говорит — «предметом Каталога ЭМ Исследований» [8, р. 133]. Это «организованные очереди ... волны

трафика на фривее, туземные методы океанской навигации и морского дела, повседневная логика расчета возможных случайностей, вульгарная праксеологическая надежность действий по инструкции и жалобы жителей Пасифик Палисейдс на шум, производимый сборщиками опавших листьев, самолетами над головой и собачьим лаем, когда городские службы просят этих жителей описать, на что они жалуются, так, чтобы это можно было представить в суде» [8, p. 134].

Другими словами, «предметом каталога» этнометодологических исследований оказываются те методы и те структуры (ЭМ отнюдь не пренебрегает «структурами»), в которых и при посредстве которых живем мы как обыденные, повседневные деятели («эндогенное население»), а не те, в которые складываются формально-аналитические агрегаты. «Оспаривать их бессмысленно», — замечает Гарфинкель относительно последних [8, p. 122].

И здесь возникает, конечно, естественный вопрос о соотношении ЭМ и ФА, то есть традиционной, научной социологии и этнометодологии. В «Исследованиях по этнометодологии» не содержалось ответа на этот вопрос (по крайней мере, прямого и однозначного), и участники этнометодологического движения отвечали на него по-разному. Например, А. Сикурел и К. Кнор-Цетина трактуют ЭМ как микросоциологию, отчего сразу возникает контекст, в котором существует дисциплина, и возникает задача обнаружения или выработки переходных ступеней от микро к макро или наоборот. Родственные этнометодологам интеракционисты рассматривали свои исследования в контексте grounded theory, из чего вытекала та же задача. В этом случае существовала как бы общая карта, на которой имелись белые пятна, но можно было ожидать, что они будут заполнены.

Для Гарфинкеля такой общей карты нет. Для него ЭМ не есть проект по исправлению недостатков ФА, не есть конкурент ФА, не есть критик ФА. «ЭМ не относится критически к формально-аналитическим исследованиям» [8, p. 114]. «Этнометодология НЕ есть исправляющее предприятие. Она НЕ есть соперничающая наука в мировом социально-научном движении» [8, p. 121]. Она равнодушна по отношению к традиционной научной социологии. ЭМ практикует «этнометодологическую индифферентность» [8, p. 114] по отношению к ней. Но в других местах Гарфинкель выражается резче, рассматривая стандартную модель социологического анализа, он заключает: «Такой подход не только дезориентирует, он абсурдно ложен в деталях» [8, p. 144]. Из такой оценки следует иное, чем «индифферентное» отношение к ФА.

Если подытожить рассыпанные по книге фрагменты, описывающие позицию ЭМ по отношению к традиционной социологии (ФА), то оказывается, что ФА есть совокупность методов и вытекающий из них порядок, которые свойственны деятельности социологов как одного из

сегментов «эндогенного населения» на их рабочих местах, в их конкретных жизненных контекстах. И в этом смысле, с точки зрения ЭМ, ФА обладает не более высоким познавательным статусом, чем, скажем, те же «туземные методы океанской навигации и морского дела», и как предмет исследования не отличается от них по существу. А социологические результаты ФА не очень отличаются от жалоб жителей Пасифик Палисэйдс на шум самолетов и собачий лай с той лишь разницей, что жителям этого города не удается сформулировать жалобы в пригодной для подачи иска форме, а социологам удается формулировать свои результаты в «пригодном для представления», то есть репрезентируемом, виде.

Итак, оценка отношения ЭМ к ФА движется от индифферентности («не исправляю», «не критикую», «не соперничаю») к негодованию («абсурдно ложный метод») и далее к прямой конкуренции: «Фундаментальный феномен этнометодологии и ее постоянная техническая озабоченность заключается в поиске, цель которого найти, собрать, определить и обеспечить по инструкции наблюдаемость местного эндогенного производства и естественную объяснимость самых обыкновенных организационных вещей в мире, принадлежащих бессмертному знакомому обществу, а также *создать альтернативные методы для них обоих одновременно как объектов и процедурно*» (курсив оригинала. — Л.И.; [8, р. 124.]). Это уже, пожалуй, суждение, которому можно доверять, и которое, кстати, достаточно очевидно следует из содержания книги в целом: ЭМ мыслится альтернативой традиционной социологии. Все же остальное — это поза, форма «презентации Я».

Это — к вопросу о соотношении ЭМ и ФА, то есть этнометодологии и традиционной, научной социологии. Но остается без ответа вопрос, что же такое этнометодология. Прямой ответ есть, и это очень краткий ответ: «Этнометодология *есть* прикладная Этнометодология». И рядом в контексте: «...ЭМ, что означает *Каталог ЭМ Исследований...*» (курсив и прописные буквы оригинала. — Л.И.; [8, р. 114]). Иными словами, этнометодология есть практика этнометодологии, этнометодология есть то, что делают этнометодологи, перечень их работ. Неправильно было бы думать, что это попытка ускользнуть от ответа, от обязывающего научного определения типа «этнометодология есть наука, изучающая то-то и то-то при помощи таких-то и таких-то методов». Гарфинкелевское лапидарное определение вытекает из самой сути его подхода, в нем заключена последняя истина: этнометодология есть то, что делают этнометодологи, так же как социология (то есть ФА) есть то, что делают социологи, и вообще, мореплавание есть то, что делают мореплаватели, пробки на фрифее есть то, что делают участники трафика и т. д. и т. п. Все это называется этнометодами, и очень важно иметь в виду, что методы

тождественны объектам, то есть тем «вещам в бессмертном, знакомом повседневном мире», которыми занимается ЭМ. В приведенной выше цитате об ЭМ как альтернативе ФА не случайно говорится об ее стремлении обеспечить методы для этих вещей: для их «производства» и «объяснения» — «для них обоих одновременно как объектов и процедурно». Тождество объектов и методов здесь играет ключевую роль, поскольку именно эти методы и есть те самые «вещи», на которые направлены этнометодологические исследования и в связи с которыми Гарфинкель вспоминает о Дюркгейме. Это воспоминание явно не случайно, поскольку и И. Гофман в «*Relations in Public*» выражал озабоченность тем, что его микроанализы поведения на публике заставляют делать выводы, которые звучат «слишком дюркгеймовски». Но это очень опасная для ЭМ ассоциация, ибо она сразу же побуждает сделать объективирующий шаг в сторону от «вещи» (если методы можно видеть, по Гарфинкелю, только изнутри, с точки зрения того, что принято называть «культурной компетенцией», то «вещи» как таковые отчуждаемы) и начать рассматривать ее «макросоциологически». В этом открывается путь от ЭМ к ФА. Однако непонятно, почему ЭМ запрещает такой шаг или, по крайней мере, не прощупывает возможности его сделать.

Но Гарфинкель считает его невозможным. Поэтому ЭМ остается Каталогом ЭМ Исследований и не становится систематической дисциплиной о чем бы то ни было (о фоновых ожиданиях, о методах повседневной интерпретации, о формальной структуре практических действий и т. п.).

Этнометодологическое (про)движение

Строго говоря, у этнометодологии есть логическая возможность остаться в чистоте и незапятнанности, как отказавшись от малодушного стремления прислониться в качестве «микросоциологии» к большой академической социологической традиции, так и прислонившись к ней. Последнюю возможность Гарфинкель отвергает, по видимому, из эстетических соображений, ради сохранения чистоты жанра, а, возможно, из соображений, предполагающих социологическое основание. Он противопоставляет этнометодологическое движение «большому» социально-научному движению, обозначаемому как ФА, и тем самым вступает в конкуренцию с последним. Казалось бы, это неравная конкуренция, Но здесь стоит вспомнить рассуждения Т. Куна о парадигме, о нормальной науке, об аномальных исследованиях, о том, как парадигма воцаряется и разрушается, и т. д. Я не помню, чтобы в своих текстах Гарфинкель хотя бы однажды сослался на Томаса Куна. Но, тем не менее, он очень хороший (если не теоретик, то) практик в области социологии науки. Насколько мне известно, только у Гарфинкеля из всех живущих и не живущих социологов в раздел «технологии анализа» включается «корпус литературы»,

причем это касается не только этнометодологии, но и традиционной, научной социологии. Обычно у нас «корпус литературы» понимается как «история социологии», ее более или менее отдаленные реалии. Из «истории социологии» можно черпать кое-какие полезные мысли, но вообще-то она играет роль иногда назидания о терниях научного пути, иногда дидактического костыля, позволяющего через обращение к прошлому лучше понять какие-то нынешние сложные вещи. История — не методология, методологии обучаются на практике, на лекциях, по рецептурному справочнику, а не в «тиши библиотеки». И вообще без истории социологии можно обойтись, огромное количество социологов, вполне методологически умелых и компетентных, без нее успешно обходятся. Гарфинкель без нее обходиться не хочет, отлично понимая (как никто другой), что «корпус литературы» — это важнейшее технологическое орудие, причем орудие не столько «технологии анализа», сколько «технологии (парадигмальной) власти». Ибо именно складывание и накопление «корпуса литературы» есть важнейший компонент пути от статуса «аномального исследования» к статусу «нормальной науки». И если в нынешней «Программе этнометодологии» *есть что-то принципиально новое* по сравнению с первой книгой Гарфинкеля, то это именно упор на «корпус литературы» и еще «проблемы обучения» как важнейшие «технологические орудия» этнометодологии.

Гарфинкель — харизматический вождь этнометодологического движения, и возможный путь «рутинизации» харизмы — превращение этнометодологии в «нормальную науку».

Я не случайно заметил: «если есть что-то новое», потому что кроме постоянного до назойливости подчеркивания роли указанных «технологических орудий» в этой книге вряд ли есть что-то принципиально новое. Возможно, имеется более резкая, чем в прежних работах критика академической социологии, ныне выступающей у Гарфинкеля под маской ФА, но модель соотношения ФА и ЭМ в принципе та же, что и в «Исследованиях по этнометодологии». Более того, прежняя книга была содержательнее в теоретическом плане; то, что сейчас упоминается беглым перечислением, иногда в скобках «для сведения»: залог *et caetera*, документальный метод интерпретации, индексичные выражения, рефлексивное тело, фоновые ожидания, скрытое знание, повседневная рациональность и т. п., — то есть то, что родило Гарфинкеля с Шюцем и что казалось — применительно к эмпирическому контексту анализа — фантастическим открытием, сейчас, в новой книге, практически отсутствует. Есть новые «примеры», новые приложения анализа, но их новизна не играет принципиальной роли. Это движение, но, так сказать, экстенсивное, горизонтальное. Освоение новых земель при помощи тех же орудий.

Так что в феноменологическом движении практически отсутствует продвижение. Новая книга Гарфинкеля не продвинула этнометодологию вперед в теоретическом и методологическом планах. Как исследовательская программа «Программа методологии» не обещает ничего принципиально нового. Именно таким образом, кстати, и оценивают ее рецензенты. Так, немец Т. Линк, упрекающий Гарфинкеля за недостаток систематичности, слишком неординарный язык, за красноречие в изложении и немоту, когда дело доходит до практических (то есть социально-практических) выводов, в заключении пишет: «Гарфинкель представил попытку мыслить социологию по-новому. Он соотносится здесь с гештальт-психологией и феноменологией, которую трактует как эмпирическую науку о действии, а также с Дюркгеймом, чтобы подкрепить социологический характер своего подхода. Нельзя сказать, что проект неинтересен, но в предложенной версии претензия на новизну кажется чрезмерной и находится в явном противоречии с достигнутым прибавлением знания» [10, S. 35].

На самом деле в этой книге речь идет не о том, чтобы мыслить социологию по-новому (об этом была первая книга; вот уже почти сорок лет она не теряет новизны и не перестает привлекать молодых социологов), а о том, чтобы *делать* ее по-новому, то есть делать социологию социологически, в согласии с этнометодами самих социологов, каковые в совсем другом теоретическом контексте по-своему описал Т. Кун. Собственно, этнометодолог не может поступать иначе, в отличие от «формального аналитика», который не рефлексивен, не понимает своих методов, не осознает свои методы как «вещи», а ищет «вещей» по ту сторону эмпирического опыта.

Но при отсутствии (по крайней мере, существенного) продвижения в теоретическом и методологическом планах «Программа этнометодологии» стала чем-то вроде вехи на пути приобретения этнометодологией статуса полноценной парадигмы, соперничающей за господство с ФА, то есть традиционной, научной, академической социологией. Этот момент соперничества проявляется в «Программе этнометодологии» гораздо сильнее, чем в предыдущих работах Гарфинкеля, где по отношению к ФА более выражен момент этнометодологической «индифферентности».

Что есть этнометодология

В чем смысл соперничества, или что несет миру ЭМ, претендующая быть альтернативой ФА? Ее основные теоретико-методологические принципы кратко описаны в первом разделе статьи. Если же попытаться охарактеризовать ее метасоциологические импликации (а именно они важнее всего для характеристики парадигмы), то вспоминается некое слово, ныне выходящее из моды не менее стремительно, чем оно вошло в нее два-три десятилетия тому назад. Это — постмодерн. Хотя слово перестает быть модным, реалии, из которых

исходили концепции постмодерна, прочно укоренены в современном мире. Это исчезновение границ между субъектом и объектом, это разложение «метанарративов», это трактовка по-витгенштейновски структур и социальных «вещей» как языковых игр, это господство «симулякров», это «коллажная» организация опыта и др. ЭМ прекрасно выражает самый дух времени как времени постмодерна.

Идея этнометодологии не как *системы*, а как *каталога* исследований, упорно проводимая Гарфинкелем во второй книге (слово «каталог», насколько я знаю, в первой не встречается), связана с постмодернистским видением вещей. Каталог — это коллаж, то есть организация, где в соседстве вещей отсутствует внутренняя необходимость, поскольку порядок их следования определяется признаком (например, последовательностью букв алфавита), не имеющим отношения к содержанию и природе вошедших в каталог вещей. Составление каталога всех вещей, где уже соседство чего-то с чем-то само по себе и без всяких комментариев способно вызвать изумление, есть излюбленная постмодернистская игра, в которую намеренно или ненамеренно играет Гарфинкель. Перечисление тем, процитированное несколькими страницами выше — от волн трафика на фривее до жалоб жителей Пасифик Палисейдс — это уже постмодернистский каталог и одновременно Каталог ЭМ Исследований. Он напоминает «вавилонскую библиотеку» Борхеса. В самом деле Каталог ЭМ Исследований не имеет логического предела и грозит разрастись до Каталога Всех Вещей и стать, как вавилонская библиотека, «бесконечным, но периодичным».

Можно было бы возразить, что социология (ФА) тоже занимается самыми разными вещами, и перечень ее тем может быть еще шире. Но исследования в ФА сопоставимы, соизмеримы, в конечном счете, переводимы друг в друга, и из одного исследования некий «демон Лапласа» мог бы вывести все остальные. А исследование ЭМ — в согласии с ее генеральными принципами — это каждый раз исследование заново и изучение уникальной «вещи», и все эти вещи роднит между собой только то, что они суть вещи обыденного мира. Сами методологические и теоретические принципы ЭМ состоят в том, чтобы исключить всякое предположение о системном и всеобщем характере каждой из вещей.

Не следует забывать, что по природе своей эти «вещи» — не что иное как «описания». Обратившись вновь к основополагающим для ЭМ суждениям Гарфинкеля (как они даны в первом разделе статьи), можно заключить, что «этнометоды» суть методы, применяемые обыденными деятелями для того, чтобы сделать «вещи» описуемыми, постижимыми, понятными, разумными (все это возможные значения применяемого Гарфинкелем термина «accountable»), и сами эти методы представляют собой описания (accounts), посредством которых и

конституируются «вещи». Если мы скажем, что ЭМ есть изучение описаний (accounts), мы не погрешим против истины.

Для обозначения совокупности описаний возник в последнее время термин, становящийся не менее модным, чем в свое время «постмодерн» — *non-fiction*. На одном из энциклопедических сайтов имеется следующее впечатляющее объяснение того, что такое нон-фикшн. «Нон фикшн — это описание (account) или репрезентация предмета, которая представлена как факт. Эта репрезентация может быть точной или нет, она может давать правильное или ложное описание (account) предмета. Однако обычно считается, что авторы таких описаний (accounts) верят, что они истинны в момент их составления. ... Нон-фикшн не обязательно представляет собой написанный текст, поскольку картинки и фильмы также могут представлять фактическое описание (account) предмета... Эссе, журналы, документации, научные статьи, фотографии, биографии, учебники, чертежные синьки, техническая документация, руководства пользователя, диаграммы и журналистика — это распространенные примеры работы нон-фикшн... Другие работы могут относиться и к фикшн, и к нон-фикшн — это письма, журналы, статьи, истории, веб-сайты, речи и рассказы о путешествиях...» [11]. Безвестный автор этой онлайн-статьи (все статьи энциклопедии анонимны) мог бы быть этнометодологом, ибо определение нон-фикшн здесь удивительно совпадает с определением этнометодологами предмета их исследований: практические действия людей в повседневной жизни, с точки зрения ЭМ, и есть описания (accounts) или репрезентации вещей, представляемые самими авторами описаний как факт. В этом (этнометодологическом) смысле все социальные вещи и социальные факты есть вещи и факты нон-фикшн. Перечень «жанров» нон-фикшн также похож на темы этнометодологических исследований; так, в «Программе этнометодологии» у Гарфинкеля есть анализ и технической статьи (волны трафика на фривее), и инструкции по сборке кресла, и многого другого, а в Каталоге ЭМ Исследований легко находится все остальное. Конечно, я здесь трактую нон-фикшн расширительно с точки зрения автора процитированной онлайн-статьи, но, очевидно, правильно, как с точки зрения приведенного им определения, так и с точки зрения ЭМ.

Став на позицию ФА, можно было бы сказать, что предмет ЭМ вторичен, поскольку он есть не «вещи», а их «описания». Но для ЭМ описания первичны, поскольку в них, в конечном счете, и состоит «объективность» вещи и сама вещь. Грубо (то есть без промежуточных ступеней аргументации) говоря, описания и суть вещи, существуют только описания. На этом достаточно скользком пути ЭМ как способ описания ставит себя в один ряд с феноменами нон-фикшн, к каковым она причислит и ФА. Социология как *non-fiction* — в этом и состоит главная специфическая черта этнометодологической парадигмы.

Вышесказанное не имеет целью каким-то образом принизить значение ЭМ как рода деятельности, точно так же, как поставить под сомнение возможный будущий успех этнометодологической парадигмы. В конце концов, невозможно не согласиться, что академическая социология (то, что Гарфинкель обозначает как ФА) представляет собой описание социального мира, а ее претензия на объективность описания не выводит ее за пределы нон-фикшн, ибо как отмечает автор статьи в Wikipedia, «авторы описаний верят в то, что они истинны...». ЭМ же «не верит» в объективность как традиционно-социологических, так и своих собственных описаний, ибо описания суть «созидания» описываемых «вещей», и тем самым сознательно представляет себя как нон-фикшн. В этом ее релятивизме, как мне представляется, состоят некоторые основания возможного будущего успеха этнометодологической парадигмы, может быть, более отвечающей духу времени, чем «формально-аналитическая» социология, которая оказывается не в состоянии ответить на критику ее мировоззренческих и методологических оснований, заложенных еще Контом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Давыдова И.В.* Формирование этнометодологии: влияние Т. Парсонса и А. Шюца на теоретическую позицию Г. Гарфинкеля // Социологический журнал. 2002. № 1.
2. *Ионин Л.Г.* Понимающая социология. М.: Наука, 1979.
3. *Ионин Л.Г.* Философия и методология эмпирической социологии. М.: ГУ-ВШЭ, 2004.
4. *Филмер П. и др.* Новые направления в социологической теории. М.: Прогресс, 1979.
5. *Огурцов А.П.* Этнометодология и этнографическое изучение науки // Социология науки. Хрестоматия / Сост. Э.М. Мирский [online] <www.courier.com.ru/top/cras.htm>
6. *Have P.* The notion of member is the heart of the matter: On the role of membership knowledge in ethnomethodological inquiry. Forum qualitative sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research. [Online] <<http://www.qualitative-research.net/fqs-texte/3-02/3-02tenhave-e.htm>> [Last access 04.03.2006].
7. *Garfinkel H.* Studies in ethnomethodology. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1967. P. VII.
8. *Garfinkel H.* Ethnomethodology's program: Working out Durkheim's aphorism. Lanham: Rowman and Littlefield Publishers, 2002.
9. *Ionin L.G.* Phaenomenologische Themen in der sowjetischen Soziologie und Sozialpsychologie. Sozialitaet und Inter-subjektivitaet / Hrsg. von R. Grathoff, B. Waldenfels. Muenchen: Fink Verlag, 1982.
10. *Link Th.* Rezension zu Harold Garfinkel's Ethnomethodology's program / Gespraechsforschung. Online-Zeitschrift zur verbalen Interaktion. 2003. No. 4. S. 35. [Last access 02.03.2006].

11. Non-fiction // Wikipedia. [Online] <<http://en.wikipedia.org/wiki/Non-fiction>> [Last access 05.03.2006].